

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.53>

ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КАЗАЧЕСТВА С ЧЕЧЕНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРАХ В XIV–XIX ВВ

Научная статья

Хасбулатова З.И.^{1,*}

¹ Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (zulai-787[at]mail.ru)

Аннотация

В представленной статье рассматривается проблема влияния социально-экономических и политических факторов на трансформацию жизненного уклада казачества. Изучается вопрос взаимовлияния и взаимосвязи казачества с чеченцами в материальной и духовной культурах в XVI–XIX вв. Автор уделяет особое внимание этнокультурным процессам в среде казачества, прослеживает их влияние на образ жизни и культуру как казачества, так и чеченцев. С этой целью в статье уделено большое внимание одежде, жилищу и другим элементам материальной и духовной культур.

Для изучения указанной проблемы, помимо научной литературы, были привлечены полевые материалы, собранные автором во время этнографических экспедиций в составе историко-этнографической экспедиции (ИЭЭ) МГУ, руководитель Л.Б. Заседателева, доктор исторических наук профессор кафедры этнографии и этнологии исторического факультета МГУ.

Ключевые слова: чеченцы, казачество, традиции, этнокультурные процессы, материальная культура, духовная культура, межэтнические отношения, взаимосвязи, взаимовлияние.

INTERCONNECTIONS AND MUTUAL INFLUENCES OF THE COSSACK AND CHECHEN POPULATIONS IN THE MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURES OF THE XIV-XIX CENTURIES

Research article

Khasbulatova Z.I.^{1,*}

¹ Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russian Federation

* Corresponding author (zulai-787[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the influence of socio-economic and political factors on the transformation of the Cossack way of life. The question of mutual influence and interrelation of the Cossacks and the Chechens in material and spiritual culture in the 16th-19th centuries is studied. The author pays special attention to ethnic and cultural processes among the Cossacks and traces their influence on the lifestyle and culture of both Cossacks and Chechens. To this end, the article pays much attention to clothing, dwellings and other elements of material and spiritual cultures.

To study the above problem, in addition to scientific literature, field materials collected by the author during ethnographic expeditions in the Historical and Ethnographic Expedition (HEE) of Moscow State University, headed by L.B. Zasedateleva, Doctor of History, Professor of the Department of Ethnography and Ethnology, Faculty of History, Moscow State University were used.

Keywords: the Chechens, the Cossacks, traditions, ethnocultural processes, material culture, spiritual culture, interethnic relations, interrelations, mutual influence.

Введение

Правдивое и глубокое изучение этой темы дает возможность говорить о старой дружбе чеченцев с русским народом, в частности, с казаками, освещение дружбы и взаимоотношений чеченского народа в историческом прошлом способствует укреплению этих отношений сегодня.

Основная часть

Известны работы дореволюционных ученых, в которых, так или иначе, касались взаимовлияния чеченцев и казаков: И.Л. Дебу [1], И.Д. Попко [2] К.К. Абаза [3], В.А. Потто [4] и др.

Историк казачества И.Д. Попко по просьбе администрации Терского края написал расширенный очерк о терских казаках «Терские казаки со стародавних времён».

В работе В.А. Потто «Два века терского казачества» дано описание истории всех полков терского казачества, где имелись некоторые материалы о роде занятий казаков, родственных связях с горцами.

Существенный вклад в изучение истории казачества внесли также и учёные-кавказоведы – В.С. Гольцев [5], Н.П. Гриценко [6], В.Б. Виноградов [7], В.И. Денискин [8], Л.И. Лавров [9] и др.

Исследованием истории казачества и эволюции межэтнических отношений между коренным населением Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, более пятидесяти лет занималась доктор исторических наук, профессор Л.Б. Заседателева. Под её руководством, на кафедре этнографии исторического факультета МГУ им. Ломоносова занималась Терская этнографическая экспедиция при участии выпускников кафедры, специализирующиеся на проблемах Кавказа (терского казачества), аспирантов (в том числе и автор статьи). Историей терского, гребенского

казачества занимались многие учёные-кавказоведы: В.Б. Виноградов, Н.П. Гриценко, Б.А. Калоев и др. Проблема терского казачества привлекала многих известных учёных-кавказоведов и до настоящего времени продолжает привлекать.

В XVI в. этническая карта Чечни стала меняться: на северной территории Чечни стали поселяться беглые русские. И это русское население постепенно устанавливает мирные отношения, при которых «...играют роль хозяйственные, антропологические, лингвистические, религиозные, культурные сходства или различия» [10, С. 180]. На протяжении длительного периода времени чеченцы и казаки жили, помогая в случае необходимости друг другу и даже роднились между собой. Исследователь А.В. Фадеев по этому поводу писал, что «...отнодь не война, а мирное сосуществование было характерно для отношений между гребенскими казаками и соседними горцами» [11, С. 22], поскольку русские, переселившиеся на Терек, как и чеченцы, были заинтересованы в мирных отношениях.

Следует отметить, что русские (казаки) не сразу попадали на Северный Кавказ, в том числе и в Чечню. И на пути к Кавказу они постепенно теряли часть своих традиционных обычаев. Кроме того, сюда постоянно приходили беглые крепостные крестьяне, посадские люди из Центральной России, Украины, Поволжья. Сюда, как в безопасное убежище, бежали кабардинцы, чеченцы, кумыки, большие и малые ногаи, даже грузины и армяне и закубанские черкесы – все, кому было тесно на родине, кого преследовали сами общества как нарушителей законов и обычаев старины. Все это были люди того же пошиба, что и русские вольные казаки, а потому последние легко с ними сдружились и уживались [4, С. 21].

Все это отражалось на своеобразном быте, нравах, материальной и духовной культурах, которые на протяжении длительного времени развивались, формировались у казачества.

Примечательно, что с самого начала чеченцы и казаки жили очень мирно, взаимно могли перемещаться в горные селения (чеченцам) или в казачьи поселения (городки). Казакам безопасно было жить среди них. По сведениям многих дореволюционных авторов горцы по разным причинам уходили к казакам, скрываясь от преследований. Так, например, В.А. Потто писал, что «... случалось, что какой-нибудь джигит Гассан похищал в соседнем селении красавица Фатьму, и оба, на одном коне, спасаясь от погони, являлись ночью в один из гребенских городков, а наутро Гассан превращался уже в казака Ивана, а Фатьма становилось Марьей» [4, С. 21].

Известно, что казаки вместе с ингушами и чеченцами стояли на страже русский рубежей, оберегая их, в случае необходимости строили военные крепости, занимались скотоводством и земледелием, растили детей, дружили... И такая мирная жизнь продолжалась вплоть до того времени, пока Российское государство не решило использовать казачество в борьбе за овладение Северным Кавказом.

Дореволюционный исследователь Е.Д. Максимов, который оставил описание бытовых и хозяйственных отношений казачества, писал, что «казачьи войска, бесспорно, сыграли главную роль в территориальном расширении государства и в открытии для его культурных влияний новых мест и народностей, но сами казаки, по крайней мере в древнейших своих представлениях (терцах и гребенцах) не несли этого культурного влияния, а, напротив, заимствовали культуру покоряемых ими народностей» [12, С. 33].

В результате военных событий мирные дружеские отношения нарушились. Но, тем не менее, несмотря на разжигаемую рознь со стороны царизма и горских верхов, народные массы горцев и подавляющее большинство казаков всё время стремились к сближению и экономическому общению. Они воспринимали многие элементы быта и нравов соседей, сознательно или бессознательно влияя друг на друга [6, С. 148].

В первую очередь это сказалось на материальной культуре.

Исследователь терского казачества Л.Б. Заседателева одну из глав в своей монографии [10] посвятила жилищам терских казаков. Опираясь на большой этнографический материал, собранный ею, а также и исторический материал, она проследила эволюцию терских жилищных построек, что дало возможность прийти к обоснованному заключению, что «жилище терских казаков, как по планировке, так и по конструкции, сложилось всецело по общим закономерностям развития жилища восточных славян со значительными кавказскими влияниями. Влияние можно увидеть и в способах выделки самана и турлука, и в устройстве двускатной крыши с отверстием на фронте, и в возведении высоких, глухих заборов, и во внутреннем убранстве дома и назначении помещений» [10, С. 417].

В гребенских станицах строились избы в большинстве своём бревенчатые, часто дубовые, с острой крышей с «коньком», резьбой украшались окна. Следует отметить, что эти жилища от русских изб не отличались. Но с другой стороны, известный исследователь-кавказовед доктор исторических наук, профессор Н.П. Гриценко писал, что «к удовольствию своему, вы видите и чеченские сакли, стоящие рядом и на одном дворе с русской избой... Домашняя обстановка гребенца ещё больше поражает оригинальностью, когда переступишь порог его дубовой великорусской избы: первая комната напоминает скорее чеченскую, нежели жилище русского казака: на стенах развешаны кинжалы, шашки и разное оружие кавказского горца; на полу стоят пёстрые сундуки, а на них разложены перины... Вторая комната гребенца – дань традиционным русским обычаям. В этой комнате все напоминало казаку о далёком прошлом и настоящем своей родины» [13, С. 148–149].

Таким образом, происходило взаимовлияние, взаимопроникновение казаков и чеченцев. Например, чеченцы переняли у русских: окна домов стали делать на улице, появились большие окна, менялась планировка жилища, изменилось и внутреннее убранство жилища, улицы стали более ровными и широкими.

Словом вся обстановка и убранство комнаты, вплоть до большой резной солонки на столе, все из России. Сакля, которая стояла рядом с русской избой – полное олицетворение кавказского горца. В сакле, где казак жил зимой и летом вместе со своей семьёй «большинство членов здесь и сядет-то по-чеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, из мебели в ходу чаще чеченская треногая скамеечка, нежели стул или русская скамья» [14, С. 234].

Примечательно, что русские, которые пришли на Кавказ, заимствовали у местного чеченского населения не только типы жилища, планировку, внутреннее убранство дома, но также и более удобную мужскую одежду. Люди приходили

на Терек в армяках, зипунах, а женщины – в одежде старорусского покроя. Становясь казаками, они воспринимали более удобную одежду горца [15, С. 152], – отмечал профессор Н.П. Гриценко.

Примечательно, что одежда горцев, в том числе и чеченцев, с глубокой древности была приспособлена к климатическим, природным и бытовым условиям Северного Кавказа.

Известно, что «бурка считалась предметом особой гордости каждого чеченца. Она была надежной и незаменимой в дождь, снег, холод, ветреную погоду и в летний зной как для пешего, так и для всадника. Горец (чеченец. – З. Х.) как на работе, так и в пути, старался не расставаться с буркой. В пути или в походе она заменяла ему постель... В бытовой обстановке в прошлом искусно использовали защитные функции бурки [15, С. 242].

По прибытии на Кавказ, казаки стали заимствовать, было отмечено, одежду более удобную. Даже казацкие жупаны и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за лёгкость и удобство покроя. Горский костюм, состоящий из скроенных в талию бешмета, черкески и суживающихся к низу штанов, с высокими мягкими сапогами, действительно был удобен при верховой езде. Кроме того, он отражал представление горцев о красоте, мужественности. Эта одежда олицетворяла тип лихого и отважного наездника... [16, С. 140]

Таким образом, по сведениям исследователей, а также наших полевых материалов, поселившееся русское население (казачество) переняло у чеченцев не только планировку жилища, внутреннее убранство дома, также и одежду, как мужскую, так и женскую и т. д.

Взаимовлияние и взаимопроникновение произошло в одежде чеченских женщин и казачек. Так, например, один из дореволюционных бытоописателей указывал на то, что даже самый бедный наурец скорее готов остаться несколько дней без хлеба... нежели не иметь черкески, в которой он смог бы выйти на улицу, в люди, в церковь по праздникам [16, С. 258].

Русские путешественники, писатели, посетившие в XIX в. Кавказ, оставили множество заметок относительно стиля одежды гребенских и терских казаков. Л.Н. Толстой в повести «Казаки», писал о своём герое Оленине, что он был одет по-черкесски, но плохо. Всякий узнал бы в нём русского, а не джигита. «Щегольство в одежде, – отмечал он, – состоит в подражании черкесу» [18, С. 16–17]. Наша информантка из ст. Николаевской говорила, что «женщины носили сшитые бешметы, которые мы переняли у чеченских женщин». Мужские бешметы были чёрные, серые (серый – будничный, а чёрный – парадный), нагрудники (якобы для патронов).

Носили 2–3 юбки: до пояса одна рубаха, потом одевали нижнюю юбку на резинке или на завязках. На голову одевали платок. Платок с кистями «мохры» не носили. Также носили старoverы «шлычка» – чепчик с доньшком, сверху надевали платок. Женщины молодые завязывали косынку. Девушки заплетали волосы в одну косу и ходили без покрытой головы, а женщины уже должны были покрыть голову.

Также исследователи быта казачества отмечали, что гребенские казачки носили поверх юбки и кофточки чёрный сатиновый бешмет с широкими отворотами на рукавах. Бешмет подпоясывался серебряным поясом, а на груди на цепочку нанизывались серебряные монеты. Костюм казачки вполне походил на костюм, который носят осетинки или местные чеченки [17, С. 259–260].

Ф.С. Гребенец – исследователь, который дал описание быта казачества, отмечал однотипность костюма казачек и горских жён в станице Новогладовской. Он (костюм. – З. Х.) состоял из узкой рубахи с широкими рукавами, простой ситцевой в будничные дни, канаусового красного шёлкового или какого-нибудь другого цвета материала в праздники, атласного бешмета разных цветов, тесно застегнутого и отчётливо обрисовывающего рельефы тела...

Грудь казачки украшалась ожерельем из янтаря и кораллов, между которыми на расстоянии одной четверти или одной половины вершка повешены редко золотые, но обычно серебряные, монеты самого древнего происхождения [19, С. 100–101].

Как было отмечено, для чеченцев, как и для других народов Кавказа, занимающихся скотоводством, овцеводством важным компонентом одежды являлась бурка, которая спасала его и в знойное лето, и в лютую зиму, они носили папахи и черкески. То же было характерно и для гребенских казаков. Н.П. Гриценко отмечал, что «... одежда и манера ее ношения гребенскими казаками являлись подражанием чеченским джигитам. Казаки носили кавказские бурки, папаху, башлык, черкеску, бешмет. Украшали себя кавказским поясом, кинжалом и газырями с металлическими или серебряными наконечниками» [13, С. 152].

Примечательно, что чеченцы в свою очередь у русских (казачества) тоже многое восприняли. Один из современников писал по этому поводу, что последствия сближения с русскими были очевидны: на мужчинах почти не встречались лохмотья, многие женщины стали одеваться в канаусовые бешметы, детей чеченские женщины стали одевать в рубашки и чуваки вместо прежнего их природного костюма.

На изменение одежды горского (чеченского) и русского (казачества) в конце XIX – начале XX в. большое влияние оказало развитие в крае капиталистических отношений, появление товаров промышленного производства, проникновение в некоторой степени элементов городской моды (особенно в женской одежде), а также усиливавшаяся имущественная и сословная дифференциация в среде казачьего населения... [19, С. 141; ПМ СКЭЭ].

Известно, что пицца является наиболее консервативным элементом материальной культуры. Но, тем не менее, здесь в силу разных факторов происходят некоторые заимствования. Дореволюционный исследователь А. Ржевущий писал, что пресный хлеб, называемый казаками «пастой», был заимствован казаками у чеченцев. В 1651 г. терские воеводы доносили в Москву, что по Сунже в казачьих городках «виноградного куста дикого растёт добре много», что из него терские и гребенские казаки делают виноградное питье» [21, №6]. Чеченцы называли виноградное вино «чIагIар», а казаки – «чихирь». Известно, что чеченцы были сдержаны в пище, то же было характерно и казакам. Казаки научились изготавливать из просяной и кукурузной муки саламату, которую употребляли вместо хлеба. Также восприняли от горцев, в том числе и от чеченцев, технику и приёмы обработки продуктов скотоводства, большой популярностью пользовался солёный овечий сыр, а также мучные изделия с добавлением в пресное тесто творога

«Чепалгаш», а также лепёшки с картофелем, творог со свежетоплёным маслом «Калд-дятта». В мясных блюдах чеченцы предпочтение отдавали баранине, так же и казаки. Примечательно, что и чеченцы заимствовали у казачества способы приготовления различных блюд: борща, голубцов, блюда из рыбы, овощей и т. д. [2, С. 112].

Таким образом, во второй половине XIX в. не проявлялись какие-либо существенные изменения в пище казачества, на территории Чечни и в целом на Северном Кавказе. Она в основном оставалась традиционной. Как было отмечено, к этому времени продолжала сохраняться давняя казачья традиция – готовить из просяной муки популярную саламату, квашу или в кулагу (заменяющую хлеб) густо сваренное пшено [23, С. 99].

Каждодневной пищей у русского населения (казачества), по материалам доктора исторических наук, профессора Л.Б. Заседателевой, и по нашим полевым материалам, оставалась рыба. Ее клали в щи, просяную кашу, из неё делали вареники. Рыбу сушили, солили, варили [19, С. 145].

Примечательно, что в некоторых способах приготовления молочных и мясных блюд прослеживались рецепты соседних горских, в том числе и чеченских, народов – сушёное мясо, солёный сыр и др. Также следует отметить, что на пищевом рационе казачества, как справедливо отмечал исследователь казачества Л.Б. Заседателева, отразились занятия населения огородничеством, садоводством, бахчеводством. Овощи, фрукты употреблялись не только в свежем виде, также из них делались разнообразные начинки для пирогов, готовили варенья, компот, сушили на зиму. Арбузный мёд делали из арбузов. Как было отмечено, с освоением в терских станицах виноградарства, стало развиваться виноделие. Известно, что молодое вино – «чихирь», чеченцы – «чIагIар» в более ранний период пользовалось особой популярностью.

Но во второй половине XIX в. в казачьих станицах и чеченских селениях в связи с развитием товарно-денежных отношений в некоторой степени обогатился пищевой рацион, о чём свидетельствуют наши полевые материалы. В некоторой степени улучшилось качество и способы приготовления хлеба. Пищевой рацион обогатился новыми продуктами – картофель, разнообразные крупы, сахар, конфеты и другие продукты, которые поступали из других регионов России вследствие торговых связей [6, С. 67].

С другой стороны, как было отмечено, в меню казачьей кухни вошли блюда горской (в том числе и чеченской) кухни. Это: мамалыга, фасоль, пресные хлеба, Чепалгаш – лепёшки с сыром, разные травяные приправы. В свою очередь, как было отмечено, и чеченцы переняли многое из русской кухни, о чём свидетельствуют наши полевые материалы экспедиций [24] в разные станицы Северного Кавказа (рук. Л.Б. Заседателева).

Во второй половине XIX в. в пище также проявлялась имущественная дифференциация. Как правило, пищевой рацион состоятельных казаков, как и чеченцев, отличался большим содержанием питательных продуктов (мясо, птица, рыба). Пищевой рацион простых казаков и горцев «скудно вообще питающегося» состоял в основном в зимние месяцы – вобла и квашеная капуста. Мясо, как казаки, так и чеченцы, употребляли в особо важных случаях и по праздникам.

Общеизвестно, что чеченцы были сдержаны в пище и питье, то же было свойственно и казакам.

Таким образом, мы проследили какое положительное влияние оказывали казаки и горцы друг на друга в течение долгой совместной жизни в строительстве жилища, планировке, в убранстве жилища, одежде и пище.

Таким образом, связи казачества с народами Северного Кавказа привели в процессе приспособления к местным природно-климатическим и социальным условиям к становлению новых элементов в материальной (жилище, одежда, пища) и духовной культурах.

В литературе известны и многократно отмечены кавказские черты в мелодиях и танцах казачества. П.А. Востриков писал, что «среди казачества широко бытовали зурна, свирель, горская двусторонняя балалайка, барабан» [17, С. 273].

У плоскостных же чеченцев получила широкое распространение русская гармошка, на которой, как правило, играли женщины. А на местных инструментах играли исключительно мужчины. На гармошках исполнялась танцевальная музыка. И наиболее популярный танец – это парная лезгинка [24, С. 372].

Наурская лезгинка стала национальным танцем терских казаков. Лезгинку танцевали все – от мала до велика (станции Наурская, Червлённая). Мотивы лезгинок различны, характер мотив азиатский. Одна сопровождается быстрыми движениями и жестами, в других – плавный ход сменяется порывистыми скачками, третьи танцуют с обнажёнными кинжалами в руках, которыми при исполнении танца производятся различные приемы [17, С. 273].

Джигитовка у чеченцев, как и других горцев Северного Кавказа, является одним из любимых и популярных зрелищ. Джигитовка получила широкое распространение и у казаков. П.А. Востриков писал, что «джигитовка самое интересное и самое любимое местное развлечение; она даёт возможность молодёжи показать своё удалство и ловкость перед целой станицей; бесстрашие казака обнаруживается на джигитовке. Но на своих мероприятиях (масленицу, троицу), кроме джигитовки, устраивали ещё своеобразный вид развлечения – стрельбу» [17, С. 274]. Для участия в таком мероприятии, желающий участвовать молодой человек (казак) должен был тренироваться на коне вдали от станицы, чтобы его не видели.

Исследователи XIX в. находили характерные следы горских фольклорных сюжетов в эпосе гребенского казачества. В. Немирович-Данченко отмечал, что «сказки и предания гребцов возникли в среде северокавказских горцев». Терские казаки использовали в своём устном творчестве многие жанры исконно русского фольклора (былины, исторические песни, обрядовую поэзию) и произведения, посвящённые местным событиям. Традиционная дружба между чеченцами и казаками нашла отражение в чеченском фольклоре («Ахмат Автуринский» [25], «Эли, сын Умара из Акхи» и др.) [24, С. 265–266]. Такие параллели относительно действительности подтверждаются материалами о связях и взаимовлияниях горцев и казаков.

Таким образом, подводя итог сказанному, отметим, что этнокультурные взаимодействия чеченцев с казачеством в материальной и духовной культурах постоянно развивались, росли и крепились. Нам представляется, что исследователь А.В. Фадеев дал объективное определение характеру совместной жизни чеченцев и казаков. Он писал об этом так: «Как и всякие соседи, они ссорились друг с другом и мирились, угоняли скот и дарили лихих скакунов, менялись

оружием и торговали хлебом, похищали девушек и пировали на свадьбах, запоминали кровных врагов, братались с «кунаками» [27, С. 18].

Итак, казаки и чеченцы оказывали положительное влияние в течение многовековой совместной жизни в строительстве жилища, одежде, пище, в танцах и песнях. Они оказывали влияние друг на друга и в складывании антропологического типа.

На заседании антропологического общества при Петербургском университете было отмечено, что «вследствие недостатка русских женщин, казаки брали жён у соседей-туземцев: кабардинцев, кумыков, чеченцев... и ближайших своих соседей. Эти браки составляли в стародавние времена самое заурядное явление, и путем смешения кавказских племен происходила постоянная метизация путём браков и путем совместной вековой жизни. Сплошь и рядом среди казаков часто попадает тип красавца-горца» [28, №24].

Заключение

Таким образом, подводя итог сказанному, вновь укажем, что терско-гребенское казачество оказывало влияние как на материальную, так и на духовную культуру. Особенно ярко проявилось это в XIX в., когда горцы, в том числе и чеченцы, переселились в предгорные равнины и оказались в непосредственном общении с казачеством. Влияние наиболее ярко проявилось, как было отмечено, в материальной культуре. Так, под влиянием русских казаков тип жилища плоскостных чеченцев изменился и внешне, и внутренне. Типичной и почти единственной формой жилища в нагорной полосе были, как было отмечено выше, плоскокрышие каменные дома, в центре или у стены которых находился очаг. Под влиянием казачества стали строить деревянные, каменные или кирпичные дома, или саманные дома с четырёхскатной или двускатной крышей. Произошли изменения и во внутреннем убранстве во второй половине XIX в.

Произошли изменения в пище и одежде чеченцев.

Безусловно, и казачество многое переняло у горского населения, в том числе и у чеченцев, поскольку продолжая жить в течение длительного времени совместно, не могли не повлиять друг на друга, в том числе и в культурном отношении.

Следует отметить, что казаки, в том числе и гребенские, научились садоводству, виноделию и шелководству у горцев.

Казаки, даже в первом поколении, свою одежду заимствовали у горцев. Они, неудобные и неприспособленные для верховой езды, казацкие жупаны, поменяли на лёгкие и удобные горские (чеченские. – З.Х.) удобные бурки-«верти» и черески.

Вместе с кавказской одеждой гребенские казаки заимствовали и военное снаряжение. Свои длинные и неуклюжие пики они сменили на горский кинжал и шашку в тонких сафьяновых ножнах. С одеждой и снаряжением терско-гребенские казаки усвоили военное воспитание (также чеченцев и других горцев. – З. Х.), их игры и скачки, боевую гимнастику... [2, С. 113].

Как было отмечено, влияние горских народов, также и чеченцев, проявилось и в домашнем быту казачества. Они переняли у чеченцев внутреннее убранство домов, когда в одном углу на длинной наре была уложена постель, в другом – развешанные поверх ковра оружие и доспехи. Поблизости к очагу, на видном месте была посуда, тщательно вычищенная и красиво расставленная на полках.

Также известно, что казаки заимствовали «поворотливую двухколёсную арбу и рабочую езду на быках, а конь остался только для седла» [28, №124]. Известно, что чеченцы в большинстве случаев лошадь использовали как ездовую, а не как рабочую силу.

Вследствие длительной совместной жизни, горцы усваивали русский язык, а казаки – горские языки, в том числе и чеченский.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Дебу И.Л. О кавказской линии и присоединенной к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах: 1816–1826 / И.Л. Дебу. - СПб., 1829.
2. Попко И.Д. Гребенское войско / И.Д. Попко // Терские казаки со стародавних времён. - СПб., 1880. - Вып. 1.
3. Абаза К.К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе / К.К. Абаза. - СПб., 1891
4. Потто В.А. Два века терского казачества / В.А. Потто. - Владикавказ, 1912.
5. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. - Орджоникидзе, 1957. - Т. 19. - С. 101–115.
6. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. / Н.П. Гриценко. - Грозный, 1961.

7. Виноградов В.Б. О месте первоначального расселения гребенских казаков / В.Б. Виноградов, Т.С. Магомадова // СЭ. - 1972. - №3.
8. Денискин В.И. О землепользовании в терском казачьем войске во второй половине XIX в. / В.И. Денискин // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. - Грозный, 1972. - Том IX. - Вып. 1. История.
9. Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.) / Л.И. Лавров. - Л., 1982.
10. Заседателева Л.Б. Терские казаки / Л.Б. Заседателева. - 1974.
11. Фадеев А.В. Из истории русско-чеченских связей / А.В. Фадеев // Вестник МГУ. - 1959. - № 1.
12. Максимов Е.Д. Терское казачье войско / Е.Д. Максимов // Терский сборник. - Владикавказ, 1890. - Вып. 1.
13. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков и их влияние друг на друга / Н.П. Гриценко // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969. - 1984.
14. Статистические монографии по исследованию станичного быта терского казачьего войска. - Владикавказ, 1811.
15. Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда и украшения / Б.Б.-А. Абдулвахабова // Чеченцы. Серия «Народы и культуры». - М., 2012.
16. Матвеев О.В. Русские Чечни / О.В. Матвеев, А.И. Зудин, В.В. Воронин. - Ростов-на-Дону, 2018.
17. Востриков П.А. Станица Наурская / П.А. Востриков // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. - Тифлис, 1904. - Вып. 33.
18. Толстой Л.Н. Казаки / Л.Н. Толстой. - М., 1953.
19. Гребенец Ф.С. Новоладовская станица в прошлом и настоящем / Ф.С. Гребенец // Сборник для описания местностей и племён Кавказа. - Тифлис, 1915. - Вып. 44.
20. Заседателева Л.Б. Специфика культурно-бытового уклада северо-кавказского казачества конца XIX – начала XX в. / Л.Б. Заседателева // Археолого-этнографическое исследование Северного Кавказа. - Краснодар, 1984.
21. Газета «Кавказ». - 1846.
22. ПМА. Инф. Соловьева П.М., 85 лет. - ст. Калиновская, 1985.
23. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связь с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVIII в.) / Е.Н. Кушева. - М., 1963.
24. Народы Кавказа. - М., 1960. - Т. 1.
25. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. - Грозный, 1967. - Т. 1.
26. Хасбулатова З.И. Взаимосвязи русских и чеченцев (XVI–XVIII вв.) / З.И. Хасбулатова // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее и будущее: тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. - Махачкала, 2004.
27. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. / А.В. Фадеев. - М., 1960.
28. Терские ведомости. - 1892.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Debu I.L. O kavkazskoj linii i prisoedinennoj k nej Chernomorskomoj vojske ili obshhie zamechanija o poselennyh polkah, ograzhdajushchih Kavkazskuju liniju, i o sosednih gorskih narodah: 1816–1826 [On the Caucasus Line and the Black Sea Army attached to it, or General Remarks on the Settled Regiments Fencing the Caucasus Line and the Neighboring Mountain Peoples: 1816-1826] / I.L. Debu. - SPb., 1829. [in Russian]
2. Popko I.D. Grebenskoe vojsko [Geben Army] / I.D. Popko // Terskie kazaki so starodavnih vremjon [Terek Cossacks from Ancient Time]. - SPb., 1880. - Iss. 1 [in Russian]
3. Abaza K.K. Kazaki: doncy, ural'cy, kubancy, tercy. Oчерки iz istorii i starodavnego kazackogo byta v obshhedostupnom izlozhenii, dlja chtenija v vojskah, sem'e i shkole [The Cossacks: the Don, the Ural, the Kuban, the Tartar. Essays on the History and the Ancient Cossack Life in a Generally Accessible Statement, for Reading in the Troops, in the Family and in School] / K.K. Abaza. - SPb., 1891 [in Russian]
4. Potto V.A. Dva veka terskogo kazachestva [Two Centuries of the Terek Cossacks] / V.A. Potto. - Vladikavkaz, 1912. [in Russian]
5. Iz istorii kolonizacii Severnogo Kavkaza [From the History of Colonization of the North Caucasus] // Izvestija Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. - Ordzhonikidze, 1957. - Vol. 19. - P. 101–115. [in Russian]
6. Gricenko N.P. Social'no-jekonomicheskoe razvitie priterechnyh rajonov v XVIII – pervoj polovine XIX v. [Social and Economic Development of the Littoral Regions in the Eighteenth and First Half of the Nineteenth Centuries] / N.P. Gricenko. - Grozny, 1961. [in Russian]
7. Vinogradov V.B. O meste pervonachal'nogo rasselenija grebenskih kazakov [On the Place of Initial Settlement of the Given Cossacks] / V.B. Vinogradov, T.S. Magomadova // SJe. - 1972. - №3. [in Russian]
8. Deniskin V.I. O zemlepol'zovanii v terskom kazach'em vojske vo vtoroj polovine XIX v. [On Land Use in the Terek Cossack Army in the Second Half of the 19th Century] / V.I. Deniskin // V.I. Deniskin // Izvestija Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, jazyka i literatury [Proceedings of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature]. - Grozny, 1972. - Vol. IX. - Iss. 1. History. [in Russian]
9. Lavrov L.I. Jetnografija Kavkaza (po polevym materialam 1924–1978 gg.) [Ethnography of the Caucasus (based on field material from 1924-1978).] / L.I. Lavrov. - L., 1982. [in Russian]
10. Zasedateleva L.B. Terskie kazaki [The Terek Cossacks] / L.B. Zasedateleva. - 1974. [in Russian]

11. Fadeev A.V. Iz istorii rusko-chechenskih svjazej [From the History of Russian-Chechen Ties] / A.V. Fadeev // Vestnik MGU [Bulletin of the MSU]. - 1959. - № 1. [in Russian]
12. Maksimov E.D. Terskoe kazach'e vojsko [Terek Cossack Army] / E.D. Maksimov // Terskij sbornik [Terek Collection]. - Vladikavkaz, 1890. - Iss. 1. [in Russian]
13. Gricenko N.P. Byt i nrvy kavkazskih gorcev i terskih kazakov i ih vlijanie drug na druga [Life and Morals of the Caucasian Highlanders and Terek Cossacks and Their Influence on Each Other] / N.P. Gricenko // Arheologo-jetnograficheskij sbornik [Archaeological and Ethnographic Collection]. Vol. III. Grozny, 1969. - 1984. [in Russian]
14. Statisticheskie monografii po issledovaniju stanichnogo byta terskogo kazach'ego vojska [Statistical Monographs on the Study of Stanitsa Life of the Terek Cossack Army]. - Vladikavkaz, 1811. [in Russian]
15. Abdulvahabova B.B-A. Odezhdza i ukrashenija [Clothing and Jewelry] / B.B-A. Abdulvahabova // Chechency. Serija "Narody i kul'tury" [Chechens. Peoples and Cultures Series]. - M., 2012. [in Russian]
16. Matveev O.V. Russkie Chechni [Russians of Chechnya] / O.V. Matveev, A.I. Zudin, V.V. Voronin. - Rostov-on-Don, 2018. [in Russian]
17. Vostrikov P.A. Stanica Naurskaja [Naurskaya Stanitsa] / P.A. Vostrikov // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemjon Kavkaza [Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus]. - Tiflis, 1904. - Iss. 33. [in Russian]
18. Tolstoy L.N. Kazaki [The Cossacks] / L.N. Tolstoy. - M., 1953. [in Russian]
19. Grebenec F.S. Novogladovskaja stanica v proshlom i nastojashhem [Novogladovskaya Stanitsa in the Past and Present] / F.S. Grebenec // Sbornik dlja opisanija mestnostej i plemjon Kavkaza [Compendium for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus]. - Tiflis, 1915. - Iss. 44. [in Russian]
20. Zasedateleva L.B. Specifika kul'turno-bytovogo uklada severo-kavkazskogo kazachestva konca XIX – nachala XX v. [The Specifics of the Cultural and Household Conditions of the North Caucasian Cossacks in the Late 19th and Early 20th Centuries]. / L.B. Zasedateleva // Arheologo-jetnograficheskoe issledovanie Severnogo Kavkaza [Archaeological and Ethnographic Study of the North Caucasus]. - Krasnodar, 1984. [in Russian]
21. Gazeta "Kavkaz" ["Kavkaz" Newspaper]. - 1846. [in Russian]
22. PMA. Inf. Solov'eva P.M., 85 years. - st. Kalinovskaja, 1985. [in Russian]
23. Kusheva E.N. Narody Severnogo Kavkaza i ih svjaz' s Rossiej (vtoraja polovina XVI – 30-e gg. XVIII v.) [The Peoples of the North Caucasus and their Relationship with Russia (second half of the 16th century to the 18th century)] / E.N. Kusheva. - M., 1963. [in Russian]
24. Narody Kavkaza [Peoples of the Caucasus]. - M., 1960. - Vol. 1. [in Russian]
25. Ocherki istorii Checheno-Ingushskoj ASSR [Essays on the History of the Chechen-Ingush ASSR]. - Grozny, 1967. - Vol. 1. [in Russian]
26. Hasbulatova Z.I. Vzaimosvjazi russkih i chechencev (XVI–XVIII vv.) [Relations between Russians and Chechens (16th-18th centuries).] / Z.I. Hasbulatova // Istoriko-kul'turnye i jekonomicheskie svjazi narodov Kavkaza: proshloe, nastojashhee i budushhee [Historical, Cultural, and Economic Relations of the Peoples of the Caucasus: Past, Present, and Future] : Abstracts from the International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Dagestan Science Center, Russian Academy of Sciences. - Mahachkala, 2004. [in Russian]
27. Fadeev A.V. Rossija i Kavkaz v pervoj treti XIX v. [Russia and the Caucasus in the First Third of the 19th Century] / A.V. Fadeev. - M., 1960. [in Russian]
28. Terskie vedomosti. - 1892. [in Russian]